

Сакральные места (объекты) в культуре калмыков: Одинокий тополь

Sacred Places (Objects) in Kalmyk Culture: the Single Poplar

*А. Б. Хейчиева (A. Heichieva)*¹

¹ младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kheychievaab@kigiran.com

Junior Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kheychievaab@kigiran.com

Аннотация. В данной статье описывается поклонение дереву, культ которого возник еще до появления основных мировых религий. Одинокий тополь в пространстве современной культуры калмыцкого народа является сакральным объектом, поклонение которому может наделить благодатью, потомством и здоровьем. При этом обряды, которые проводятся у дерева-старожила, имеют древние корни и переплелись с буддийской традицией.

Ключевые слова: сакральные места, дерево, калмыки, Одинокий тополь.

Abstract. The article describes rites of worshipping the tree, the cult of which had anticipated the emergence of the main world religions. The Single Poplar is a sacred object of present-day Kalmyk culture believed to have the ability of bestowing good fortune, progeny, and sound health. The rituals performed near the old tree are essentially ancient and have intertwined with the Buddhist tradition.

Keywords: sacred places, tree, Kalmyks, Single Poplar.

Во множестве различных культур мы можем встретить образ дерева, символизирующий центр мира. Этот образ становится некой точкой опоры, позволяющей людям упорядочить вокруг нее пространство мира. Поэтому исследователи мифологии называли этот образ «мировым древом» (существуют и другие названия, например, «древо жизни» или «древо познания») [Мифы 1988: 398].

В мифопоэтической традиции калмыков Вселенная представлена тремя мирами: верхним, средним и нижним. Верхний мир является местом обитания 33 небожителей-тенгриев, верховным из которых

является Хормуста. Герой эпоса «Джангар» воспринимается как представитель верхнего мира. Средний мир населен людьми, нижний — хтоническими существами. Мифические персонажи, представленные в калмыцком фольклоре, их происхождение и трансформация освещены в ряде публикаций [Басангова 2011; 2012; 2014; Манджиева 2015; 2016; Кичикова 1994: 320; Пюрбеев 2015: 280; Санчиров 2011: 57–64; Селеева 2015; Убушиева 2009: 151–155; Традиционное мировоззрение... 1988: 225; 1989: 243].

В мифах отмечаются крепкие связи между деревьями и людьми (люди рождаются от дерева, дерево выступает хранилищем души человека). По представлениям многих народов, деревья воспринимаются живыми: они дышат, чувствуют, говорят друг с другом и даже с людьми, которые обладают особыми способностями. Поэтому с деревьями связаны многочисленные табу: их нельзя бить, рубить, осквернять. Со временем внешние проявления культа деревьев изменялись, но некоторые и по сей день верят в сакральную силу деревьев, произраставших на нашей планете задолго до появления человека.

Аналогом мирового древа, имеющего защитную функцию, в культуре тюрко-монгольского народа исследователи считают столб, который являлся опорным в структуре юрты — кочевого жилища народа, и сохранился в жилище при переходе на оседлость [Бакаева, Сангаджиев 2002: 3–5].

У монголоязычных народов образ мирового древа можно проследить в такой части юрты, как *шест-багана*. Сакрализация пространства юрты осуществляется в том числе через *багана* [Жуковская 1988: 15].

Образ мирового дерева в мифологии и фольклоре монголов — это «растущее на пустынной равнине в западной стороне Одинокое дерево; Сандаловое дерево (Древнее сандаловое дерево, у балаганских бурят также относимое на юго-запад), или исполняющее желания дерево Галбурвас (Галбарвасан, от санскритского кальпаврикша, „дерево кальпы“)» [Неклюдов 1988: 172].

А. А. Бурькин обращает внимание на то, что связь представленной об одинокое дерево со сверхъестественными существами или особыми качествами предмета, сделанного из одиноко стоящего де-

рева, характерна для разных ландшафтных зон, представляющих собой пограничные в географическом отношении области. «Для эвенов одиноко стоящие деревья — это лесотундра, граница тайги и тундры. Для монголоязычных народов и в частности для калмыков это, скорее всего, лесостепи — граница степей и лиственных лесов. И хотя комплекс представлений, связанных с одиноко стоящим деревом в духовной культуре эвенов и в калмыцком эпосе, оказывается очень дифференцированным, у нас нет оснований сомневаться в том, что такие представления у обоих этносов имеют общие анимистические истоки, сохраняемые в религиозных представлениях этих народов до нашего времени», — отмечает исследователь [Бурыкин 2002: 164].

В культуре монголоязычных народов почитались разные деревья, характерные для разных природно-географических зон. Гобийцы почитают саксаул и вяз, жители горных районов — вербу, иву, осину, березу, а жители лесной местности — березу, дуб, лиственницу. Монголы особо выделяют красную иву — тamarиск (*улаан бургас*), почитание которой связано с культом огня. В культуре ойратских этнических групп это дерево пользуется особым почтением и называется монгольским деревом. В начале лета захчины окуривают можжевельником куст вербы и поклоняются 3, 7, 14 раз, приговаривая при этом «не забывай меня». Красная ива считалась священным деревом, способным уберечь дом от молнии. В бурятской традиции почитание огня-очага и священного дерева «красной ивы» (аналога мирового дерева) непосредственно связано с индоиранским и индоевропейским культом бога-творца и громовержца [Содномпилова 2009: 88–104].

Буряты почитали высокие одиноко стоящие с необычной кроной деревья, которые имели собственные названия. Издревле тюрко-монгольские народы почитали такие деревья. У бурят Предбайкалья одиноко стоящая могучая лиственница являлась ипостасью хранителя местности, в ее сторону боялись смотреть, молились и просили у нее прощения [Николаева 2017: 15].

У калмыков одинокие деревья также являются объектом почитания. Как отмечает Т. Г. Басангова, согласно древним верованиям народа, одиноко растущее дерево считалось «местом» духа-хозяина данной местности. Обособленно растущие деревья называются

өнчн модн ('сиротливое дерево'), *һанц модн* ('одинокое дерево'). Почитаемые в народе деревья назывались *сетр модн* ('сакральное дерево') [Басангова 2015: 595].

У калмыков бездетные женщины часто обращаются к дереву с просьбой ниспослать им рождение ребенка. Здесь прослеживаются представления о заключенном в дереве плодоносящем начале, к которому могли приобщаться бездетные женщины в надежде родить. Так, по наблюдениям Т. А. Агапкиной, такое представление типологично в разных культурах, общеславянские и германские обычаи, связанные с деторождением, основаны на представлениях о производительной силе плодового дерева. Так, в северо-восточной Сербии под плодовое дерево выливали воду, в которой была постирана рубашка невесты, чтобы она была детородна в браке, существует также немецкий обычай сажать плодовое дерево, если в доме долго не рождается ребенок [Агапкина 2013: 47].

Одним из таких почитаемых деревьев у современных калмыков является Одинокий тополь, растущий посреди степи, вблизи поселка Хар-Булук (букв. черный родник) в Целинном районе Республики Калмыкия. Дерево, посаженное буддийским монахом в 1846 г., имеет почтенный возраст. К тому же на срезе его веток можно увидеть интересную сердцевину, представляющую собой пятиконечную звезду. По утверждению специалистов, это говорит об особом строении проводящей системы дерева. Кроме того, калмыки с особым почитанием относятся к цифре 5, которая символизирует пять стихий, составляющих основу мира.

Местные жители приходят к дереву, чтя память о монахе Пурдаше Джунгруеве, который привез семена тополя из своего путешествия к Далай-ламе. Деятельность бакши Джунгруева связана с Богдо Далай ламин хурулом, последним настоятелем которого он являлся [Хождение в Тибет 1988: 140; Дорджиева 2007: 43–47].

К Одинокому тополю почти каждый день приезжают люди для того, чтобы совершить обряд, сделать подношение божествам, хозяину местности Цаган ааве (Белому старцу). Божество Цаган аав (*Цаган авһа*) в калмыцком буддизме наделен «рядом мифологических характеристик, не присущих его образу в культурах других народов», — отмечает Э. П. Бакаева [Бакаева 2011: 16].

Белый старец у калмыков считается не только покровителем земли и воды, хозяином пространства, но и всего калмыцкого народа. Кроме того, Цаган аав почитается и как Хозяин года и времени, наделяющий людей годами жизни. Исследователь выделяет две основные формы божества в культуре калмыков: 1. Белый старец земли-воды — газр-усна Цаган аав / авга; 2. Делкян Цаган аав — покровитель всего народа, прапредок, дарующий жизнь своим подвластным [Бакаева 2011: 16, 17].

Среди этнических характеристик калмыцкого буддизма отмечается также еще одна традиция, сохранившаяся среди монгольских народов только у калмыков и являющаяся архаической системой маркеров родов, которая трансформирована с принятием буддизма. Цветовые маркеры рода калмыков *өлгү* представляют собой полоски ткани или ленты, нити, а также халаты. Во всех комбинациях цветовых маркеров присутствует белый цвет, «что сопоставимо с покровительством Белого старца всему народу» [Бакаева 2011: 22].

Истоки *өлгү* имеют более архаичное происхождение, чем известный культ онгонов. «„Өлгү“ эволюционировал, начиная с самой глубокой древности, и сложился под различными историко-культурными влияниями», — считает Т. И. Шараева [Шараева 2003: 271]. *Өлгү* на сегодня в свадебной обрядности калмыков проявляется как ритуальный предмет, присутствующий в приданом невесты вместе с подарками родителям и родственникам жениха. Однако функции данного ритуального предмета в древности, видимо, были более широкими и охватывали военную и семейно-бытовую сферы. «Выступая цветовым родовым маркером, „өлгү“ подчеркивает индивидуальные особенности каждого отдельно взятого рода калмыков», — отмечает исследователь [Шараева 2003: 271]. Происхождение слова *өлгү* связывается исследователем с глаголом *өлгх* (‘вешать, привешивать, подвешивать’).

Можно предположить, что изначально *өлгү* выступало в качестве подношения, которое подвешивалось на ветки деревьев. Т. Г. Басангова отмечает, что во время проведения молебнов представители родов поклонялись дереву, повязывая на крону разноцветные ленточки [Басангова 2014: 595].

На сегодняшний день невысокое ограждение вокруг Одинокого тополя увешано разноцветными лентами *өлгү*, представляющими цвета того или иного рода. Совершая молитвы и специальные обряды, прося у долгожителя дождя, защиты и продолжения рода, каждый, кто знает, привязывает ленточки с цветами своего рода, замужние женщины — *өлгү* рода своего супруга. Основная функция *өлгү*: призывание счастья, плодородия, чадородия, жизненных сил.

В калмыцкой степи у Одинокого тополя страждущие, испрашивая детей, привязывают цветные ленты (согласно цветам своего рода) к ограде, у корней дерева оставляют зажженные лампадки, разливают молоко, рассыпают рис, делают подношение блюдами традиционной кухни, сладостями. Люди наливают на кору дерева молоко, оставляют у ствола различные продукты питания.

О том, что Одинокий тополь имеет особое сакральное значение для жителей республики, говорят множественные цветные лоскутки *өлгү*, привязанные к дереву и его ограде, монетки, лежащие у его подножия. Необходимо отметить также, что цветные ленты привязываются также к веткам деревьев, растущих возле статуи Белого старца, которая находится на аллее в центре Элисты (создатель скульптуры Н. Эледжиев).

Таким образом, можно отметить, что в калмыцкой культуре обычай подвешивания лент на деревья, в особенности одиноко растущие, имеет корни, уходящие в древность. Сам акт привязывания лент символизировал подношение дереву как сакральному объекту поклонения силам природы.

В связи с развитием буддизма в начале XXI в. Одинокий тополь приобретает значение сакрального объекта, становится местом отправления религиозных обрядов. С постройкой культовых сооружений буддизма Одинокий тополь стал местом паломничества верующих, не только калмыков, но и представителей других национальностей, исповедующих буддизм. Под этим деревом постоянно совершают ритуалы и обряды верующие, так как тополь считается у буддистов священным деревом.

На сегодняшний день полукругом от дерева располагаются восемь видов буддийских ступ: ступа Лотоса, символизирующая рождение Будды, ступа Просветления, ступа Мудрости, иначе Поворота

Колеса Учения, ступа Чудес и ступа Сошествия с небес Тушита, а также ступы Примирения, Совершенной Победы и Паринирваны. Одна из ступ посвящена памяти калмыцкого священнослужителя Пурдаша бакши.

Следует отметить роль Одинокого тополя в культурной жизни республики. Дерево-старожил является на сегодняшний день брендом Калмыкии. Гостей столицы привозят к Одинокому тополю не как к месту паломничества, а как к культурному объекту, уникальному природному явлению. Одинокий тополь с каскадом родников является памятником природы в соответствии с Постановлением Правительства Республики Калмыкия от 15 декабря 2008 г. № 439 «Об объявлении отдельных природных объектов памятниками природы регионального значения». Решением сертификационной комиссии Всероссийской программы «Деревья — памятники живой природы» в 2015 г. Одинокий тополь занесен в Национальный реестр старовозрастных деревьев России [Одинокий тополь ... 2015].

При этом нынешнее состояние тополя вызывает опасения за его будущее: одна из основных ветвей тополя рассохлась. Земля вокруг дерева заметно уплотнилась, так как здесь бывает очень много паломников, туристов, стремящихся дотронуться до священного тополя. Чтобы живому памятнику природы не был нанесен вред, территорию вокруг дерева огородили. Ближе, чем на 50 метров, к нему подходить нельзя, хотя, на наш взгляд, вряд ли такое можно организовать у Одинокого тополя: слишком велико его сакральное значение для калмыков-буддистов. Нарушен процесс получения влаги и кислорода корневой системой тополя. Землю нужно периодически вскапывать, чтобы дать корням дерева насытиться кислородом. Одинокий тополь спасает то, что он растет на линзе пресной воды: под двухметровым слоем почвы скрыты подземные источники, выбивающиеся наружу в виде родников. Но подземные воды могут иссякнуть. Тревожным сигналом служит то, что уровень воды в родниках заметно упал [В Калмыкии Одинокий тополь ... 2017].

В конце июля 2017 г. природный памятник республиканского значения Одинокий тополь пострадал от стихии — удара молнии во время грозы. Молния нанесла старому дереву значительный ущерб. Она ударила в самую верхушку дерева, прошлась по широким

ветвям. На пути следования этой «огненной змейки» образовались длинные светло-желтые неровные полосы: отошла кора. Мощный удар и прохождение электрического разряда по всему стволу не сломили могучего старожилы. Но, по словам специалистов, если бы тополь был моложе, поврежденные ткани восстановились бы и закрыли рану целиком. Уязвимость его связана со структурой и глубоко уходящей под землю корневой системой [Священный... 2017].

Экологи вовремя забили тревогу. К дереву часто приезжают волонтеры навести порядок, привести в надлежащий вид прилегающую территорию. Здесь же оборудовано специальное место для совершения обрядов, теперь корневой системе тополя не наносится урон.

Одиноким растущий тополь стал сакральной точкой пространства, является местом сбора для верующих и совершения ими религиозных обрядов. Почитание деревьев издавна свойственно многим народам, что объясняется сакрализацией объектов местности, будь это гора, холм или дерево. В данном случае это Одинокий тополь, растущий более века в бескрайней степи.

Одинокое дерево воспринимается верующими как сокровищница особой силы, которая имеет непосредственное влияние на жизнь человека.

Таким образом, можно отметить, что с давних времен у многих народов существует поклонение мировому древу, культ которого возник еще до появления основных мировых религий. На сегодняшний день можно констатировать, что Одинокий тополь для современных калмыков является сакральным объектом, поклонение которому может наделить благодатью, потомством и здоровьем. Проводимые у дерева-старожилы обряды имеют древние корни, которые переплелись с буддийской традицией.

Литература

Агаткина Т. А. Дерево и человек: одна судьба на двоих // *Ethnolinguistica Slavica*. М., 2013. С. 42–58. URL: <http://slawa.su/weles/2772-derevo-i-chelovek-odna-sudba-na-dvoikh.html> (дата обращения: 03.12.2017).

Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии: основные этапы истории // *Буддизм России*. 2009. № 42. С. 9–18.

Бакаева Э. П. Этническая специфика калмыцкого буддизма // *Новый исторический вестник*. 2011. № 29. С. 16–24.

Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И. Символика центра в традиционном жилище калмыков: от кочевого к оседлому образу жизни // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России: мат-лы междунар. науч. конф (к 360-летию со дня рождения хана Аюки) (г. Элиста, 22–25 мая 2002 г.). Элиста: КалмГУ, 2002. С. 3–5.

Басангова Т. Г. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // Новые исследования Тувы. 2011. № 2–3 (10–11). С. 269–278.

Басангова Т. Г. Дерево в калмыцкой фольклорной традиции // Национальные образы мира в художественной культуре: мат-лы междунар. науч. конф., приур. к 85-летию со дня рождения выдающегося литературоведа, философа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008) (г. Нальчик, 24–26 октября 2014 г.). Нальчик: Изд-во КБГУ, 2015. С. 594–600.

Басангова Т. Г. Змея в мифологии калмыков // Новые исследования Тувы. 2014. № 2 (22). С. 75–79.

Басангова Т. Г. Культурный герой в мифологии калмыков // Мир Центральной Азии-3. Улан-Удэ, 2012. С. 616–619.

Бурькин А. А. Почему рукоятка плети Хонгора сделана из одинокого кизилового дерева? (еще один этнографический комментарий к мотивам «Джангара») // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 7–11 сентября 2001 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2002. С. 162–164.

В Калмыкии Одинокий тополь ... 2017 — В Калмыкии Одинокий тополь нуждается в помощи [электронный ресурс] // URL: <http://riakalm.ru/news/society/8648-v-kalmykii-odinokij-topol-nuzhdaetsya-v-pomoshchi> (дата обращения: 01.09.2017).

Горяева Б. Б. Мифологическое трехмирие в калмыцком героическом эпосе «Джангар» и сказках // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования: мат-лы III междунар. науч. конф-и, посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 88–91.

Дорджиева Г. Ш. Багша Пурдаш — Очир Джунгруев // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сб. науч. тр. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 43–47.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 194 с.

Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. 2-е изд., реприн. М.: Наука, 1994. 320 с.

Манджиева Б. Б. К вопросу изучения образа героя калмыцкой богатырской сказки // Литературное обозрение: история и современность. 2015. № 5 (5). С. 6–63.

Манджиева Б. Б. Номинация героя в калмыцких богатырских сказках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 108–112.

Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. А–К. 671 с.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. К–Я. 719 с.

Неклюдов С. Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 170–174.

Николаева Д. А. Образ дерева в мифологических воззрениях и обрядово-ритуальной практике бурят (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 1 (12). С. 14–19.

Одинокий тополь — памятник живой природы [электронный ресурс] // URL: <https://vkalmykii.com/odinokij-topol-pamyatnik-zhivoj-prirody> (дата обращения: 15.09.2017).

Пурбеев Г. Ц. (=Пүрбэн Григорий). Эпос «Джангар»: культура и язык (=Жаһр дуулвр: сойл болн келн). 2-е изд., перераб. Элиста: Джангар, 2015. 280 с.

Санчилов В. П. О топониме «Орын ганц модн» в ойратском сочинении XVIII века «История Хо-Урлюка» // Монголоведение. № 5. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 57–64.

Священный 2017 — Священный «Одинокий тополь» пострадал от удара молнии, но выстоял [электронный ресурс] // URL: <http://uralan.info/index.php/culture/item/6370-svyashchennyj-odinokij-topol-postradal-ot-udaramolnii-po-vystoyal> (дата обращения: 01.09.2017).

Селеева Ц. Б. Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 151–155.

Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. 225 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. 243 с.

Убушиева Д. В. Верхний мир мифологического трехмирия (на материале багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Материалы международной научной конференции. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 624–628.

Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. У святынь Тибета // Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. С. 139–140. URL: <http://uralan.info/index.php/culture/item/6370-svyashchennyj-odinokij-topol-postradal-ot-udara-molnii-no-vystoyal> (дата обращения: 04.12.2017).

Шараева Т. И. К проблеме изучения маркеров рода: символика и функции «өлгц» // Монголоведение. № 2. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 265–271.

References

Agapkina T. A. A Tree and a Man: One Fate for Two. In: *Ethnolinguistica Slavica*. Moscow, 2013. Pp. 42–58. Available at: <http://slawa.su/weles/2772-derevo-i-chelovek-odna-sudba-na-dvoikh.html> (accessed: 3 December 2017). (In Russ.)

Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Main Stages of History. *Buddhism of Russia*. 2009. No. 42. Pp. 9–18. (In Russ.)

Bakaeva E. P. Ethnic Specificity of Kalmyk Buddhism. *New Historical Bulletin*. 2011. No. 29. Pp. 16–24. (In Russ.)

Bakaeva E. P., Sangadzhev Yu. I. Symbolism of the Centre in Traditional Dwelling of Kalmyks: from Nomadic to Sedentary Way of Life. In: *Material and Spiritual Foundations of the Kalmyk Statehood within Russia*. Conf. proc., dedicated to the 360th anniversary of the birth of khan Ayuka (Elista. 22–25 May 2002). Elista: Kalmyk State University, 2002. Pp. 3–5. (In Russ.)

Basangova T. G. Demonological Characters in the Folklore of Kalmyks. *New Research of Tuva*. 2011. No. 2–3 (10–11). Pp. 269–278. (In Russ.)

Basangova T. G. The Cultural Hero in the Mythology of Kalmyks. In: *World of Central Asia-3*. Ulan-Ude, 2012. Pp. 616–619. (In Russ.)

Basangova T. G. The Snake in the Kalmyk Mythology. *New Research of Tuva*. 2014. No. 2 (22). Pp. 75–79. (In Russ.)

Basangova T. G. The Tree in the Kalmyk Folklore Tradition. In: *National Images of the World in Artistic Culture*. Conf. proc., dedicated to the 85th anniversary of the outstanding literary critic, philosopher, cultural studies George Dmitrievich Gachev (1929–2008) (Nalchik. 24–26 October 2014). Nalchik: Kabardino-Balkar State University Publ., 2015. Pp. 594–600. (In Russ.)

Burykin A. A. Why is the Handle of Hongor's Whip Made of a Single Cornel Tree? (Another Ethnographic Commentary on the Motifs of “Dzhangar”). In: *Kalmyks and their Neighbors in the Russian State*. Conf. proc. (Elista, 7–11 September 2001). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2002. Pp. 162–164. (In Russ.)

Dordzhieva G. S. Bagsha Purdash — Ochir Jungruiev. In: *Problems of National and General History*. Elista: Kalmyk State University Publ., 2007. Pp. 43–47. (In Russ.)

Goryayeva B. B. Mythological Three Worlds in the Kalmyk Heroic Epos “Dzhangar” and Fairy Tales. In: “Dzhangar” and Epic Traditions of Turkic-Mongolian Peoples: Problems of Preservation and Research. Conf. proc., devoted to the 75th anniversary of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS (Elista. 15–16 September 2016). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2016. Pp. 88–91. (In Russ.)

In Kalmykia Lonely Poplar Needs Help. Available at: <http://riakalm.ru/news/society/8648-v-kalmykii-odinokij-topol-nuzhdaetsya-v-pomoshchi> (accessed: 1 September 2017). (In Russ.)

Kichikov A. Sh. The heroic epic “Dzhangar”. Comparative and Typological Study of the Monument. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1994. 320 p. (In Russ.)

Lonely Poplar, a Monument of Wildlife. Available at: <https://vkalmykii.com/odinokij-topol-pamyatnik-zhivoj-prirody> (accessed: 15 September 2017). (In Russ.)

Mandzhieva B. B. Concerning Studying the Image of the Hero of the Kalmyk Heroic Tale. *Literary Review: History and Modernity*. 2015. No. 5(5). Pp. 6–63. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. Hero Nomination in Kalmyk Fairy Tales. *Bulletin of Dagestan State Pedagogical University*. Ser. Social and Humanities Sciences. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 108–112. (In Russ.)

Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia. In 2 vol. S. A. Tokarev (ed.). Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. Vol. 1. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. 671 p. (In Russ.)

Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia. In 2 vol. S. A. Tokarev (ed.). Moscow: Soviet Encyclopedia, 1988. Vol. 2. 719 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Mythology of Mongolian Peoples. In: *Myths of the Peoples of the World*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1988. Vol. 2. Pp. 170–174. (In Russ.)

Nikolaeva D. A. The Image of the Tree in the Mythological Views and Ritual Practice of the Buryat (late 19th–early 20th cc.). *Bulletin of East-Siberian State Institute of Culture*. 2017. No. 1 (12). Pp. 14–19. (In Russ.)

Pyurbiev G. Ts. The Epic “Dzhangar”: Culture and Language. 2nd ed. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Kalm.)

Sacred “Lonely Poplar” Suffered from Lightning Strike, but Survived. Available at: <http://uralan.info/index.php/culture/item/6370-svyashchennyj-odinokij-topol-postradal-ot-udara-molnii-no-vystoyal> (accessed: 1 September 2017). (In Russ.)

Sanchirov V. P. Concerning the Toponym “Oryn gants modn” in the 18th Century Oirat Work “The History of Ho-Urlyuk”. *Mongolian Studies*. No. 5. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2011. Pp. 57–64. (In Russ.)

Seleeva Ts. B. Specific and Universal in the Image of a Hero of the Kalmyk Heroic Tale and Epic “Dzhangar”. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2015. No. 2. Pp. 151–155. (In Russ.)

Sharaeva T. I. Concerning Studying the Markers of the Genus: Symbolism and Functions of “oelgts”. *Mongolian Studies*. No. 2. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2003. Pp. 265–271. (In Russ.)

Sodnompilova M. M. The World in the Traditional Worldview and Practical Activity of Mongolian Peoples. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the RAS, 2009. 366 p. (In Russ.)

Traditional World Outlook of Turks of South Siberia: Person. Society. Novosibirsk: Nauka, 1989. 243 p. (In Russ.)

Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and Time. The Real World. Novosibirsk: Nauka, 1988. 225 p. (In Russ.)

Travelling to Tibet of Kalmyk Bakshi Purdash Dzungruiev. At the Shrines of Tibet. In: *Problems of Mongolian Philology*. Elista, 1988. Pp. 139–140. Available at: <http://uralan.info/index.php/culture/item/6370-svyashchennyj-odinokij-topol-postradal-ot-udara-molnii-no-vystoyal> (accessed: 4 December 2017). (In Russ.)

Ubusheva D. V. The Upper World of the Mythological Trimirium (on the Material of Bagatskhokhur Cycle of the Kalmyk Heroic Epos “Dzhangar”). In: *United Kalmykia in United Russia: through Centuries to the Future*. Conf. proc. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2009. Pp. 624–628. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. Categories and Symbols of Traditional Mongolian Culture. Moscow: Nauka, 1988. 194 p. (In Russ.)